10. Опять начали́ совѣтовать: „Што намъ съ нимъ дѣлать? — Опять надо балъ дѣлать!“ — Сдѣлали опять балъ. Въ особенную ко́мнату въ уголъ насы́пали золота. Внизу кладовая была, а сверьху взяли, западню́ такую сдѣлали— въ родѣ лаву́шки: какъ онъ туда пойдётъ, такъ и упадётъ.

Онъ какъ пріѣхалъ, деньги увидалъ, —немножко погоди́ и отправился. Какъ пошолъ тамъ, поверъну́лся, туда и упалъ. *Чо* ему дѣлать?—„Охъ,—слышь:—упалъ!“ — Потомъ закричалъ [воръ]: „На пожа́ръ! На пожаръ!“—Народъ бросился туда въ ко́мнату бѣжать, одинъ по одному́ вьсѣ и сълетѣли.

Пошли выпускать.—Которой [воръ]?—Опять неизьвѣстно!

11. Потомъ [хозяинъ] завёлъ всѣхъ обратно. — „Господа, хто изъ васъ машеньникъ? винитесь! За та(о)во́ отдамъ сваю до́чи!“—Онъ [воръ] въ арьте́лѣ скричалъ: „Распиши́сь!“ — Ну, онъ расписался. Такъ на ево дочери и овьвѣньча́лся. И капиталъ весь возвратилъ ему. И сечасъ живутъ.

---

## 55. [Иванъ купеческій сынъ и его невѣста волшебница].

(Разсказалъ Евгеній Ивановичъ Сига́евъ, обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, 49-ти лѣтъ).

1. Жилъ былъ купецъ. У купца ни еди́нова сына не́ было. Онъ ѣздилъ по ярманкамъ—не до́лго и не ско́ро, года три или четыре. Не замѣчалъ онъ до́ма, што оставалась жена беременная. Но́нѣшной годъ отправляетца въ про́чіе держа̀вы за товаромъ; *та́мока* проторговалъ три го́да, — жена родила́ сына.

Черезъ три года онъ отправляетца домой. Ѣхалъ сухопутьемъ тамъ много ли, ма́ло ле, доста́лось ему ѣхать по̀ морю. День очень былъ жа́рко(а)й; захотѣлось ему почерпнуть воды́. Ево Самъ съ нокоть, борода съ ло́коть, То́кманъ То́кманычъ морской царь схватилъ, взялъ ево и говоритъ, што „аддай, што́ до́ма не знашъ!“—И онъ ему отдава̀лъ всё: самъ себя [?] отдавалъ, и домъ отдава̀лъ, и всё,—„только меня не то(а)пи́!“ „Возьми чево хошь, только меня не шевели́!“—„Роспишись своей рукой!“—Разрѣзалъ свой пальчикъ, рас-

писáлся своей кровію. Получилъ ето письмецó. И отправляетца своéй путéй домой.

2. Подьѣзжáтъ къ своéму городу, заѣзжáтъ въ сваю вýлицу. Кahда доѣзжáтъ до своевó дварца, жена сидѣла подъ акошечкомъ на ýлкѣ са сваймъ сыномъ. Кohда мáти увидала своёва мужа, кричитъ сваéму сыну: „Папáша ѣдетъ!“ – И онъ кинулся бѣжать къ ему. Мальчишко добѣгаетъ: — „Што ето за мальчишко бѣжитъ? Кучеръ, остановись!“ — Приняlъ ево и до своéва дворца довёзъ. — „Это у насъ мальчикъ родился!“ говоритъ мати. — Онъ себѣ за бородку схватилъ: „Ну, я отдáлъ единьственнова сына!“

Сваéй женѣ етова ничево не сказалъ. Письмецо полóжилъ въ самое наилýчшее матерье.

3. Мальчикъ выросъ лѣтъ 17-ти, сталъ по лавкамъ ходить, прикашчиковъ повѣрять. Пріѣзжаетъ изъ прочихъ земель купецъ и говоритъ: „Подайте-ко мнѣ такова-то матéрья!“ — Заскáкиватъ прикашчикъ на лавку, выбрáсываетъ штуку и смотритъ: въ етомъ матéрьи кака-та бумажка. — „Ваня! вотъ кака-та бумажка!“ — „Ну-ко, я погляжу!“ — „Меня тятя отдалъ Тóкманъ Токманычу морскому царю!“

„Менѣ *этта* проживать нéчево! Надо итти ево розыскивать, hдѣ онъ проживатъ. Я пайду... Ну, радúмой тятинька и радима мамонька! напекáйте мнѣ *придорóжнички*: я отправляюсь искать морскова царя“.—Отецъ съ матерью заревѣли.

4. Отправился. Шолъ, шолъ, дошолъ до избушки; стоитъ избушка на куречьей голяшкѣ, повёртывацца. Зашолъ въ ызбýшку; лежитъ въ ызбушкѣ Баба-Ягá. — „Фу-фу-фу! рускова духу слыхóмъ не слыхала, а руской духъ самъ въ ызбу зашолъ! Куда жо ты, Иванъ купеческой сынъ, пошолъ?“—„Напой, накорми, потомъ вѣстей распроси!“—Она ..... — столъ подёрнула, ..... — штей плеснула, ..... потреслá — булокъ нанеслá... Напоила, накормила, стала дѣло распрашивать. — „Куда жо ты, Иванъ купеческой сынъ, пошолъ?“ — „Я, бабушка Ягишна, пошолъ къ Токманъ Токманычу морскому царю“. — „Хо, хо! ты далёко залѣзашь! *Айдá* подáлѣ, есь у меня сестра постáре, такъ она больше знатъ!“

Дошолъ до её, зашолъ въ ызбýшку.—„Фу-фу-фу! Руской духъ самъ въ ызбу зашолъ!“... Напоила, накормила, стала дѣло распрашивать.

5. „Я тебѣ помогу́!“—„Помоги, помоги, баушка!“—„А вотъ прилетятъ ко мнѣ десеть голубицъ, я ихъ напою́-накормлю; потомъ прилетитъ Марѳа То́кмановна, дочь ево, и со своей служанкой. Ко҃нда ей стану всяко кушанье подавать, послѣдне кушанье — картошки съ молокомъ, — и скажу ей, што „вотъ тебѣ, Марѳа Токмановна, женишка́-то!“—Она хоти́тъ меня ударить. (Я тебя посажу́ за печку, ты сиди́). Изъ-за печки выскакивай и тутъ её лови! Если поймашь, то ты будешь человѣкъ, а не пойма́шь—погибнешь!“

Прилетѣла Марѳа Токмановна со своей служанкой и сѣла на *зали́чинку* (на улицѣ, у воротъ) и кричитъ старухѣ: „вы́пусьти рускую ко҃шку изъ ызбы!“ — Она ей отвѣчатъ, што „никово жъ у меня нѣту!“—„Выпусьти!“—„Эхъ ты, Марѳа Токмановна! ты по во́здуху летала, русъкова духу нахвата́лась!“

Зашла въ ызбу. Она стала ей подавать кушанье. Послѣдне кушанье—картошки съ молокомъ.—„Вотъ бы тебѣ, Марѳа Токмановна, женишка́-то!“ — Онъ выскочилъ изъ-за печки, хотѣлъ её схватить, и не мокъ её схватить; одинъ [такъ!] перо изъ её выдернулъ. Она успѣла голубкомъ свернýцца и вылетѣла изъ ызбы.

6. „Ну ужъ, Иванъ купеческой сынъ, *ишшо́* ты умоли́лъ! Вотъ за́втрешнева дня будетъ день *я́тной*, жаркой; она вотъ на такое-то мѣсто прилетаетъ купацца,—и ты у ей пла́тьицо скради́! Прилетятъ ихъ 12 голубицъ и всѣ они платьица поло́жатъ вмѣстѣ; она поло́житъ *о́даль*, — ты ево и скради́!“

Отправля́цца онъ на мѣсто, сидитъ, дожидацца. 12 голубицъ прилетѣли, начали́ купацца; роскупа́лись — улетѣли насреди́ моря. Онъ подкра́лся, платьицо и укралъ. Ко҃нда накупа́лись, выходятъ на́ берекъ, — всѣ пла́тьица цѣлы, у одной *нѣтука*. Одѣлись, звернулись и улетѣли; она осталась въ водѣ.

Она говоритъ въ водѣ: „Хто у меня платьицо скралъ: если дядюшка—будь мой родимой дядюшка, если тётушка—будь моя тётушка, если дѣви́ца — будь моя сестри́ца, если мо́лодецъ—будь обручённой мой мужъ.“—Онъ у ей платьицо бро́силъ, она снярядилась. Онъ къ ей подходитъ. Махнула шири́ночкой, и сдѣлалась передъ имъ кроватка.

Полюбезьничали. Она и говоритъ ему: „Ну, теперь полетимъ, Иванъ купеческой сынъ, къ моёму папашѣ! Я тебе

сдѣлаю голубемъ, сама́ голубкой. Когда прилети́мъ, бейся о́бъ земьлю, не жалѣйся! если пожалѣешся, то вѣчно голубкомъ проле́ташъ".

„Когда жъ [у] моёва папаши пробудешь, ко мнѣ вечеркомъ приходи́: подъ которымъ окошечкомъ салфетка вьётца, тутъ я и живу!.. Есчо́ я тебѣ скажу: когда прилетимъ, ты скричи громкимъ го́лосомъ, молодецкимъ по́свистомъ: „Токманъ Токманычъ, твой вѣрный слуга пришолъ!"—Онъ услышитъ твой голосъ, бросицца на тебя и поведётъ тебя въ покои".

7. У ево было два лакея, и онъ ихъ загоня́лъ, етихъ лакеевъ; и они етотъ день наси́лу проводили. И они говорятъ между собой: „Пойдёмъ, таваришъ, сходимъ къ Васькѣ Широкому Лбу въ астро́къ! И онъ каку-нибудь *хижи́ну* на нево найдётъ,—онъ [Токманъ Т.] ево убьётъ завтрѣ".

Пришли къ Васькѣ Широкому Лбу въ острокъ: „Васька Широкой Лобъ, не знашь ле каку-небудь *хижи́ну* найти на человѣка? Къ намъ севодня какой-то человѣкъ пришолъ, и насъ севодня баринъ загонялъ!" — „А вотъ што: если съ каждова чи(е)на́ по ведру́ вина и по пятьдесятъ рублей де́негъ не пожалѣите, я вамъ скажу!"—„Не жалѣемъ!"

„Вотъ онъ хочётъ ето мо́ре завали́ть и спахать и зборони́ть, штобы къ у́тру просвира́ готова была (изъ но́вой мукй)".

Они пришли къ своёму барину: „Токманъ Токманычъ! твой вѣрный слуга самъ собой возвыша́етца, тобою выхваляецца: вотъ ето мо́ре онъ хочетъ завалить и спахать и зборони́ть, штобы къ у́тру просвира́ готова была изъ новой мукй!"—Онъ ево призва́лъ къ себѣ: „Што жъ ты, мой вѣрный слуга, самъ собою возвышаешься, а мною выхваляешься? Ты хоти́шь вотъ ето мо́ре завалить и спахать и зборонить, штобы къ утру просвира готова была изъ новой муки!"—„Батюшко, Токманъ Токманычъ, у меня съ ро́ду *сабану* въ рукахъ не бывало!"—„А вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ!"

8. Онъ отправля́цца къ своёй суда́рушкѣ. А ужъ она знаетъ, што ему отецъ такую службу за́далъ.

Заходитъ въ ызбу.—„Што жъ ты, миленькой мой, призадумался?"—„Какъ жо мнѣ не призадумацца? Твой папаша мнѣ службу задалъ! завтра навѣрно мнѣ въ пе́тлю полѣ-

зать?"—„Какую же службу?"—„Вотъ ето море завалить и спахать и зборонить, штобы къ у́тру просвира готова была изъ новой муки".—„Молись Спасу, ложись спать! утро мудренѣе вечерка̀".

Она вышла на крыльцо и переметну́ла съ руки на́ руку кольцо,—вы́скочили 33 молодца—лицо́ въ лицо, во́лосъ въ волосъ,—скричали въ одинъ голосъ: „Што, барыня-сударыня, угодно?"—„Вотъ што! сослужите мнѣ службу: вотъ ето море завалить и спахать и зборонить, штобы къ у́тру просвира готова была изъ новой муки!"—„Слу́шамся!"

Поутру́ стаётъ, — просвира готова на столѣ. Она ево и будитъ: „Ну, милинькой мой! не пора́ спать, пора̀ става́ть, пора къ тятинькѣ несьти госьти́нецъ!"—Онъ умылся, снарядился, отправился къ нему.

9. Ко́нда принёсъ госьтинецъ, етихъ слукъ онъ [Токманъ Т.] ешчо́ пу́шче сталъ гонять; насы́палъ для нихъ горо̀ху на̀ полъ: што „напра́слина на моёва слугу́ нано́сите".—Опять они [слуги] стали имъ кушанье подносить, напоили-накормили ихъ.

Потомъ и говорятъ: „подёмъ къ Васькѣ Широкому Лбу въ острокъ!.."—„Ну, Васька Широкой Лобъ! сдѣлалъ! Давай каку́-небудъ *хижи́ну* на нево найди *ешшо́*!"—„Я придумалъ! Но съ каждова чина́ по ведру вина и по пятьдесятъ рублей де́некъ!.. — Ето ему не сдѣлать! Пойди́те скажи́те своёму барину, што онъ хочетъ сдѣлать церкву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ-морѣ, хрустальной мостъ, — штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!"

Они пришли, сказали своёму барину, што „Токманъ Токманычъ! твой вѣрной слуга самъ собой возвышаетца, тобою выхваляецца: онъ хочетъ сдѣлать це́ркву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ морѣ, хрустальной мостъ — штобы въ шесь часовъ къ зау́тренѣ ударить!"—Онъ [Токманъ Т.] скричалъ ево: „Што-жъ ты, мой вѣрной слуга, самъ собой возвышаешься, мною выхваляешься? Ты хоти́шь сдѣлать церкву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ-морѣ, хрустальной мосъ, штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!" — „Ба̀тюшко Токманъ Токманычъ! у меня съ ро́ду въ рукахъ ка́мню не бывало!"—„А вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ!"

10. Онъ не можетъ дождатьца, етотъ день ко́нда пройдётъ—и пойти къ своей сударушкѣ. Приходитъ. — „Што

ты, миленькой мой, призадумался?“—„Какъ жо мнѣ не призадумацца? Хоть въ пе́тлю полѣзай! Вотъ какую мнѣ службу за̀далъ: сдѣлать це́ркву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ морѣ, хрустальной мосъ, штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!“—„Молись Спасу, ложись спать!“

Она вышла на крыльцо́, переметнула съ руки на̀ руку кольцо,—выскочили 33 молодца—лицо́ въ лицо́, во́лосъ въ во́лосъ,—скричали въ одинъ голосъ: „Што, барыня-сударыня, угодно?“—„Сослужи́те мнѣ службу: сдѣлать церкву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ морѣ, хрустальной мосъ, штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!“ — „Слу́шамся, сдѣламъ!“

Она ево и будитъ въ 4 часа̀: „Не пора̀ спать, пора ставать, пора къ тятинькѣ на службу пойти́!“—Она ему даётъ золотыхъ гвоздей и золотой молотокъ и *гармази́нова* сукна́. — „И сиди́ и убивай края́, и какъ бутьто ты ето всё дѣло сдѣлалъ! И когда шесь часовъ уда́ритъ, къ зау́тренѣ ударитъ,—мой папаша полетитъ на своихъ на добры́хъ коня́хъ и схва́титъ тебя и увезётъ въ церьковъ. Тамъ литу́ргія идётъ...“

Литу́ргія когда ко́ньчилась, онѣ отправляютца опять домой.

11. И начинаетъ етихъ слухъ есчо́ пу́щче гонять: „зачѣмъ напра̀слина на моёва слугу́ нано́сите!“ — Ко̀гда они имъ кушанья носили, и говорили межъ собой: „пойдёмъ опять къ Васькѣ Широкому Лбу въ острокъ!“

„Ну, Васька Широкой Лобъ! сдѣлалъ! Давай каку-небудь *хижи́ну* на нево найди ешшо!“ — „Придумалъ! Но съ каждова чина по ведру вина и по полтара̀ста рублей де́некъ!“—„Не жалѣемъ!“

„Скажите своёму барину, што онъ хочетъ сдѣлать кара́пь—штобы ходилъ гара́ми и моря́ми и сухи́ми берегами!“

Пришли они, сказали своёму барину, што „онъ хочетъ сдѣлать карапь, штобы ходилъ гара́ми и морями и сухими берегами“.—Онъ [Токманъ Т.] скричалъ ево: „Ты хоти́шь сдѣлать карапь, штобы ходилъ гарами и морями и сухими берегами!“—„Батюшко Токманъ Токманычъ! у меня съ ро́ду въ рукахъ топора не бывало!“—„А вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ!“

12. Онъ етотъ день насилу проводи́лъ: когда къ сударушкѣ пойти. Приходитъ.—„Што ты, миленькой мой, при-

задумался?"—„Какъ яко мнѣ не призадумацца? Вонъ какую мнѣ службу задалъ!"—„Какую?"—„Што вотъ карапь штобы ходилъ гарами и морями и сухими берегами". — „Молись Спасу, ложить спать!"

Она вышла на крыльцо, переметнула съ руки на́ руку кольцо, — выскочили 33 молодца — лицо въ лицо, волосъ въ волосъ, — скричали въ одинъ голосъ: „Што, барыня-сударыня, угодно?"—„Посьлѣднюю мнѣ службу вы сослужи́те: сдѣлать карапь, штобы ходилъ гарами и морями и сухими берегами". — „Далёко ты залѣзашь, Марѳа Токмановна! Намъ не *издѣлать*!"—„Издѣлайте мнѣ!"—„Нѣтъ, не сдѣлать".

Одинъ изъ среды ихъ сказалъ ей: „намъ не сдѣлать, а за три́ста морей и за триста земель есь подрядьчикъ, такъ онъ можетъ быть и сдѣлатъ".—„Ну, полетайте кто-небудь поскорѣе и сечасъ штобы онъ яви́лся ко мнѣ на глаза́!"— Полетѣлъ одинъ и приве́лъ ево. Ей сказали. Она вышла и говоритъ: „*издѣлай* мнѣ корапь!... въ шесь часовъ штобы готовъ былъ". — „Можно, Марѳа Токмановна, изладить!"— Изла́дили, розбудили её: „Пора́ у насъ работу принимать!"

Вышла на крыльцо, — карапь середь двора стоитъ. Подходитъ етотъ самой подрядчикъ и говоритъ: „Етотъ самой карапь будетъ дѣйствовать лентой. Я тебѣ дамъ ленту — этой лентой правь, поло́жь её въ рукавъ; ленту дёрьни кверху, онъ полети́тъ по́верьху; ленту ниже опусьти, онъ полетитъ по́ низу".

Ка́да она получила отъ ихъ ету ленту, и пошла будить своёва мужа. —„Не пора спать, пора тебѣ ѣхать къ тятинькѣ на кораблѣ! Вотъ на́ ленту и етой лентой правь!"—Вышолъ на дворъ; она ему и говоритъ: „Не проси́живайся у отца, ко́да вы полётаите! и прилетайте поскорѣе!"

Перелетѣлъ черезъ воро́ты; ленту спусьтилъ ниже,—онъ [корабль] полетѣлъ по́ низу. Прилетѣлъ къ паратьнему крыльцу и скричалъ ему громкимъ голосомъ, молодецкимъ по́свистомъ: „Токманъ Токманычъ! твой вѣрный слуга прилетѣлъ на кораблѣ!" — Токманъ Токманычъ бѣжалъ въ одни́мъ халатѣ и прямо пры́гнулъ ему въ карапь. Долго ли ма̀ло ли они лѐтали, и назатъ обратились. Прилетѣли къ паратьнему крыльцу. Токманъ Токманычъ бѣжа̀ть въ свои покои. Онъ [Иванъ купеческій сынъ] вернулся и былъ таковъ—къ своей сударушкѣ.

13. „Ну, ужъ теперь, миленькой мой, давай поскорѣе отсель улетимъ! Сечасъ за нами посолъ будетъ: отецъ мой догадался, што ты проживаешь у меня?“ — Она взяла, за печку три *харъчка́* плюнула.—„Вы, харчки́, отвѣчайте тутъ, если придутъ за нами! Въ перъвой разъ придутъ, вы скажи́те, што „сечасъ идёмъ“. Во второй разъ придутъ, скажи́те, што „сечасъ обу́емся“. А въ третей разъ придутъ, скажите, што „одѣнемся“. Въ четъвёртой разъ придутъ, скажите, што „улетѣли они давны́мъ давно́“.

14. Пришолъ посланникъ... Онъ [Токманъ Токманычъ] затрубилъ въ трубу́, *нагна́ли* воины. —„Што̀ нужно?“—„Догнать мнѣ бѣглецо́въ—дочь мою и ми́лиша её!“—Погна́ли пого́ньшики. Она и говоритъ: „Полетай вверьхъ горноста́лькой — воронъ *кло́кчетъ* или сорока чёкчетъ?“ — Онъ палъ къ землѣ и слу́шаетъ, што воронъ кло́кчетъ. Она ево и сдѣлала козлу́шкой, а сама сдѣлалась старушкой и сидитъ дои́тъ.

Подгоня́ютъ пого́ньшики.—„Бохъ по́мочь тебѣ, баушка!“—„Милости про́симъ!“—„А не проходила ли дѣви́ца съ молодцо́мъ?“—„Нѣтъ, я некова̀ не ви́жу: 30 лѣтъ сижу, козлу́шку дою́, и то некова не вижу!“ — Онѣ обратились назатъ. Пріѣзжаютъ и сказываютъ, што „никова нѣтука! што вотъ догна́ли такую-ту старушку: она сидитъ, доитъ козлушку...“

15. „Ишо́ гони́тесь дальше!“—Погнались. Она и говоритъ: „Полетай, ми́линькой, вверхъ горносталькой: воронъ кло́кчетъ или сорока чо́кчетъ?“—„Воронъ клокчетъ“.—„Ну, это не пого̀на, а пого̀нюшка! а пого́на вся впереди!“—Она махнула шири́нкой и сдѣлалась часо̀венъка. Сама сдѣлалась попо́мъ, а ево сдѣлала дьякомъ, и слу́житъ въ етой часовенкѣ. Пригоня́ютъ пого́ньшики и смотрятъ: литу́ргія идётъ. Ко̀гда литу́ргія отошла́, одинъ подходитъ и говоритъ: „Не проходила ли *этта* дѣви́ца съ молодцо́мъ?“—„Охъ, батюшка, ужъ у насъ часовенка на подпо̀рахъ,—никова не ви́димъ!“

Она бу́тьто не знаетъ, што отъ кова ето го́нютца, и спрашиватъ у одново: „Вы кова догоня́ите?“ — „Дочь Токмана Токманыча съ ми́лишомъ!“—„Охъ, Токманъ Токманычъ мнѣ большой друкъ! Погоди́те, я ему письмецо́ напишу“.— Пошла *та́мока*, поло́жила дряни и запеча́то(ы)вала; и написала и говоритъ: „Родимой мой тятинька, не умѣлъ отъ меня сладкіе конфе́ты поѣсь, такъ вотъ поѣшь дря́ни!“

16. Онъ на ето осердѝлся. А у нево жена волшебьница стрàшная былá, за двѣнадцати двеpя́ми и на двѣнадцати цѣпя́хъ сидѣла. А ета дочь превы́шила её ишó волшéбством. Она [жена Токмана Т.] бьётца и говоритъ: „Апусьти, милинькой мой! я ихъ, етихъ бѣглецовъ, пойма́ю!“ — Онъ а(о)пусьтилъ, ана́ полетѣла.

Она и говоритъ: „Ну, милинькой мой! полетай вверьхъ горностáлькой — воронъ клокчетъ или сорока чокчетъ?“ — „Сорока, говоритъ, чóкчетъ!“ — „Вотъ ето погóна: ето мать летитъ наша, волшебъница!“ — Она махнула ширинкой, и сдѣлалась óгненна рѣка, и среди огненной рѣкѣ сдѣлалась крова́тка — и она лежитъ со своимъ съ мýжомъ обня́вши. Прилетаетъ мать и говоритъ: „Ахъ!—говоритъ:—б...ь, усьпѣла обьня́тця съ ми́лишомъ-то! а то́ бы я васъ увела!“ И она ста́ла говорить: „Эхъ, ми́лая дочь! Я васъ долго не видала и твоёва мужа не видала! да'-ко я васъ благословлю́, и ступайте куды́ зна́ите!“

Махнула она счёточкой, и сдѣлался черезъ óгненну рѣку мостъ. Она и пошла. Дошла́ до половины и говоритъ: „Теперь изъ моихъ рукъ никуды́ не дѣваитесь! я теперь васъ уведу!“ — Махнула шириночкой [дочь], — она [мать] провалилась. — „Ну, милинькой мой, теперь намъ боя́тца не́ково! теперь пойдёмъ въ твоё помѣсьё!“

17. Шли мнóго ли мало ли, дошли до ево помѣсья. Версты за́ двѣ не доходя́, она спрашиватъ: „Далéко ли твоё помѣсье?“—„А вотъ версты́ дьвѣ ишо!“—Пошли они ишó, отошли́ съ вёръсту. — „Далéко ли твоё помѣсье?“ — „Ешшó съ вёръсту“.

Дошли́ до помѣсья. — „Ну, милинькой мой, иди со мной!“ — Зашли въ сторону, къ дýбу. — „Вотъ ты когда, милинькой мой, задумашь женúцца, пріѣзжай къ етому дýбу! Я вы́ду прибольшýшшой змѣёй. А больши ни(е)ковó не бери — дружку да сва́ху. Тамъ станутъ говорить: „бей!“—а ты говори: „не смѣй! Сзади казна́ и по бокамъ казна, а спéреди молода́ жена!“ Ударь меня плёткой, я и сдѣлаюсь дѣвúцой!“

„Исчó я тебѣ буду говорить: когда жъ ты придёшь къ своéму папашѣ, всѣхъ въ уста́ цѣлуй, отца съ матерью не цѣлуй въ уста! Если поцѣлуешь, то ты меня забудешь!“

18. Онъ пришолъ домой. Обрадовались, всѣхъ *сродственн-*

*никовъ* собра́ли: што Ваня пришолъ. Всѣхъ въ уста́ поцѣловалъ, отца съ матерью не цѣлуетъ въ уста. Дядя родно́й подошолъ къ ему и говоритъ: „Почему жъ ты, Ваня, отца съ матерью не цѣлуешь въ уста?“ — Ему какъ не хорошо́ и сдѣлалось; онъ отца съ матерью и поцѣловалъ въ уста. И про её и забылъ.

19. Она [Токмановна] поселилась напротивъ купца: выпросилась на кварте́ру.

Отецъ имѣлъ у ево [Ивана] дьвѣ лавьки; два прикашчика было: Александръ и Евденій (а третій—Иванъ). Саша и говоритъ: „Вотъ тутъ кака-та красавица проживаетъ у старушки. На вечёрки къ ей!“ — На первой вечеръ Александръ пошолъ. Приходитъ подъ окошко, сту́чицца въ окно. Она какъ зна́итъ, што ето отъ тово купца пришолъ прикашчикъ:—„Пусьти́, ба́ушка, ево!“

Онъ зашолъ въ ызбу, нача́лъ съ ей любезьничать. Играли, играли *тамока*; она и говоритъ: „Не желаите ли въ ка́рточки поиграть?“ — „Мо́жно“. — Было у нево деньжо́нокъ взято рублей 20. Она ево и обыграла.

„Эхъ, бабушка, я севодьни шила ковёръ, да въ сѣнкахъто и забыла; поди, сходи!“ — „Эхъ ты, ми́лая дочь, я-то стара́, ....-та тяжела́; ты сама́ помоло́же меня—и сходи́!“— Александръ добрый вы́искался, побѣжалъ на дворъ; у ихъ былъ дровъ *косьтёръ* нало́женъ, онъ и давай дрова рубить. Вьсю ночь дрова́ проруби́лъ.

20. На другой вечеръ достаётца другому прикашчику пойти. Пошолъ Евденій. Приходитъ къ окошку, сту́чицца въ окно.—„Бабушка, пусьти ево!“—Зашолъ въ ызбу.—„Не желаите ли въ карточки поиграть?“—„Можно“—Она ево и обыграла.—„Бабушка, я севодни ковёръ въ сѣнкахъ шила, забыла; поди, сходи!“—Доброй выискался Евденій; побѣжалъ на дворъ. А у ихъ назьму было множе́нство. Онъ и давай назёмъ таскать всю ночь. И три парьника́ натаскалъ етова назьму́.

Разсвѣтало, и онъ бѣжать. Приходитъ. Лавъки коуда отворили, и стали совѣтовать. — „Ну́, какъ, тава́ришъ?“ — „Ну, и хорошо́,—говоритъ:—она обрашчаетца!“

21. На третій вечеръ купеческому сыну достаёцца пойти. Приходитъ къ окошку, сту́чицца въ окно. — „Бабушка, пусьти ево!“—Зашолъ въ ызбу.—„Не желаите ли въ кар-

точки поиграть?“ —„Можно“. — Она и ево обыграла. — „Бабушка, я ковёръ-то шила, да въ сѣнкахъ и забыла; поди, сходи!“ —„Эхъ ты, милая дочь, я-то стара, ...-та тяжела́; ты сама́ помоло́же меня—и сходи!“

Купеческой сынъ выискался, пошолъ въ сѣнки. А тамъ жорнова́ были, у жорново́въ пять пудовъ крупы́ лежало. Онъ всю ночь промоло́лъ крупу́. Рассвѣтало, онъ бѣжать.

Когда 8 часовъ, отворили лавьки, они сошли́ся. Купеческой сынъ говоритъ прикашчикамъ: „Ну, я сево́дни всю ночь работа̀лъ, крупу́ мололъ“. — Второй говоритъ, што „я всю ночь назёмъ чи́сьтилъ“. А третій — „я всю ночь дрова рубилъ“.—„Ну, *тепе́река* ето дѣло молчо̀къ! штобы никому не говорить! а то насъ просмѣю̀тъ“.

22. *Врасъ* про̀жилъ тамъ недѣлю или двѣ, и зду́малъ жени́цца. Посылаютъ сватать. — „Ково жо мы станемъ сватать?“ — „Вы больше *еттака* зна́ите дѣвокъ! я никово не знаю“. — Вы́сватали купеческую дочь. *Вечеръ* былъ и два былъ [такъ!]; на третій день сдѣлали дѣви́шникъ.

Она посыла́тъ, ета дѣви́ца, къ етому купцу, гдѣ невѣста, — купить два колобка́ хлѣба. И дала́ ей сто рублей денегъ:—„Если же будутъ тебя выталкивать, ты имъ говори: вотъ на́те вамъ за́ два колобка 50 (или сто) рублей денегъ!“— Она купила. И сдѣлала изъ етихъ колобковъ го́лубя и голу́бку.

Когда дѣви́шникъ нача̀лся, она захо́дитъ въ ко́мнаты и выпускаетъ своихъ голубей. Они полѣтали по ко́мнатѣ и сѣли къ жениху и къ невѣстѣ на столъ. И голубь голубку и ударилъ крыло́мъ; голубка отвѣчатъ ему: „за што-жъ ты меня, голубь, бьёшь?“ — „За то я тебя бью... Ето не Иванъ купеческой сынъ, Марѳу Токмановну забывать!“

Когда сьлетѣли со стола̀ и начали́ опять лѣтать. Сѣли опять во второй разъ, и голубь ударилъ опять голубку крыло́мъ. — „За што жъ ты меня, голубь, такъ *увѣчить*?“ — „За то я тебя увѣчу!.. Это вѣдь не Иванъ купеческой сынъ— Марѳу Токмановну забывать!“—И опять слетѣли.

Въ третей разъ сѣли, и голубь такъ ударилъ голубку, што она упала на̀ полъ. Она сѣла на сто́лъ и говоритъ: „За што ты меня, голубь, такъ увѣчишь?“—„За то я тебя увѣчу!.. Это вѣдь не Иванъ купеческой сынъ—Марѳу Токмановну забывать!“

23. Онъ тутъ спо́мнилъ про её и вразъ захвара́лъ. Дѣвишникъ разошо́лся. Пропуска́тъ съ недѣлю и говоритъ, што „ну́жно мнѣ жени́цца“.—„У насъ невѣста вы́сватана!“—„Это мнѣ не невѣста! У меня невѣста въ лѣсу́ и въ дубу́... Ну, теперь меня благословляйте — я пое́ду женицца!“

Благослови́ли, и онъ отправился, взялъ дру́жку и сваху. Пріѣхалъ къ тому ду́бу. И выходитъ пребольшу́шшая змѣя. Дружка и сваха говорятъ, што „бей!“ А онъ говоритъ: „не смѣй! Сзади казна и по бокамъ казна, а спереди молода жена!“ Ударилъ плёткой, и сдѣлалась дѣви́цой.

Посадили её и уѣхали въ церьковъ и обвѣнчались.